

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

— —
ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

№ 5.

М А Й

1910.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1910.

ХРОНИКА.

I.

КИРГИЗСКИЙ НАРОДНЫЙ СУДЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПРАВОВЫМЪ ПОЛОЖЕНІЕМЪ ИНОРОДЦЕВЪ СТЕПНОГО КРАЯ.

Современное правовое и экономическое положеніе многомилліонной киргизской націи, область которой, столь же обширная, какъ вся Европейская Россія, простирается отъ береговъ Волги до бассейна Тарима и отъ низовьевъ Аму-Дарьи до рѣки Иртыша, можно лучше всего характеризовать словами славянскихъ пословъ въ легендарномъ ихъ обращеніи къ племени Русь: „Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ“.

Аналогія будетъ еще полнѣе, какъ это мы увидимъ ниже, если мы обратимся къ представителямъ этого нѣкогда могущественнаго народа, за исключеніемъ лишь немногочисленнаго класса богачей и родовыхъ старѣйшинъ, кичащихся своей высшей породой и происхожденіемъ отъ Чингизъ Хана, съ вопросомъ: какимъ способомъ прійти къ нимъ на помощь,—ибо они отвѣтятъ намъ перифразомъ приведеннаго изреченія: „Приходите княжить и владѣть нами“.

И въ самомъ дѣлѣ, если раскинувшемуся на необозримомъ пространствѣ въ $2\frac{1}{2}$ слишкомъ милліоновъ квадратныхъ верстъ, пространствѣ, гдѣ рядомъ съ безплодными песками цвѣтутъ роскошныя сады по берегамъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, въ краѣ идеальномъ по простору и природѣ для главнаго занятія жителей—скотоводства, киргизскому народу, въ общемъ, живется плохо, хуже даже, чѣмъ въ старыя разбойничьи времена, то главной причиной этого является

для всѣхъ знатоковъ края то недостойное положеніе, въ которое сама себя поставила русская власть послѣ полного покоренія киргизской степи и умиротворенія ея обывателей.

Вмѣсто того, чтобы сразу же въ переходное отъ ханскаго управленія время взять въ свои руки административное управление краемъ и твердо и послѣдовательно насаждать въ народѣ начала общей русской культуры и гражданственности, постепенно приучая населеніе къ русскимъ порядкамъ, вмѣсто того, чтобы сразу же дать этому населенію приспособленный къ мѣстнымъ условіямъ русскій судъ, русская власть все внутреннее управление краемъ оставила въ рукахъ туземцевъ изъ высшаго класса, а судъ предоставила выборнымъ народнымъ судьямъ, что, кстати сказать, совершенно не соответствовало киргизскимъ обычаямъ, по коимъ власть *бісёв*—этихъ единственныхъ храпителей обычнаго права—была наслѣдственная.

Постепенное разложеніе стараго родового быта, въ которомъ такъ еще недавно пребывало большинство киргизскаго населенія, по причинѣ отчасти внутреннихъ распрей и неурядицъ, отчасти неумѣло насаждаемой русской колонизаціей степей, протекаетъ болѣзненно: экономическое благосостояніе народа падаетъ, бѣднѣйшіе элементы лишаются необходимаго для кочевого образа жизни скота и образуютъ полугодный пролетаріатъ, вынужденный работать на другихъ, и утрачиваютъ такимъ образомъ всѣ радости свободной пастушеской жизни. Изъ числа этого пролетаріата вербуются шайки конокрадовъ и скотокрадовъ, представляющія изъ себя самый грозный бичъ и не только для мирнаго киргизскаго населенія, но и для ихъ ближайшихъ сосѣдей—русскихъ поселенцевъ и казаковъ.

Правильная борьба съ этими шайками невозможна по отсутствію въ степи надлежаще организованнаго суда и русской полиціи, а также благодаря систематическому укрывательству конокрадовъ киргизскими властями, извлекающими отъ этого для себя огромную непосредственную матеріальную выгоду и въ то же время гарантирующими такимъ путемъ цѣлостъ своихъ многочисленныхъ стадъ. „Я положительно не знаю ни одного должностнаго лица изъ киргизовъ“,—говорилъ мнѣ одинъ изъ знатоковъ края,—„который не былъ бы такъ или иначе причастенъ ко всѣмъ преступленіямъ, совершаемымъ подвѣдомственными ему киргизами, и если онъ не является прямымъ ихъ участникомъ, то во всякомъ случаѣ укрывателемъ, да иначе и быть не можетъ по естественному порядку вещей. Для

того чтобы попасть на должности управителей и аульных старшинъ, честолюбивые и корыстолюбивые богатые киргизы истрачиваютъ на предвыборную агитацію цѣлыя состоянія, которыя они съ лихвой надѣются вернуть съ того же населенія, въ чемъ обыкновенно и преуспѣваютъ.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ огромное большинство совершаемыхъ въ киргизской степи наказуемыхъ по русскимъ законамъ преступленій остается необнаруженнымъ при всѣхъ стараніяхъ слѣдственной власти; немудрено, что самосудъ въ видѣ разбол и баранты до сихъ поръ царить на всемъ огромномъ пространствѣ, занимаемомъ киргизскимъ населеніемъ.

Но это еще было бы полъ-бѣды. Главная же бѣда въ томъ, что киргизскій народный судъ, этотъ совершенно своеобразный институтъ, которому русская власть непредусмотрительно предоставила разрѣшеніе всѣхъ безъ исключенія гражданскихъ дѣлъ между киргизами и большинства уголовныхъ правонарушеній, находится въ явно недостойныхъ рукахъ и совершенно не соотвѣтствуетъ задачамъ правосудія.

Что же изъ себя въ настоящее время представляетъ этотъ судъ, каковы его судоустройство и судопроизводство, какъ велика его компетенція въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, какое вліяніе оказываетъ онъ на народную нравственность и просвѣщеніе подвѣдомственныхъ ему лицъ? Постараемся разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ.

На всемъ огромномъ пространствѣ киргизской степи судебная власть—этотъ, по выраженію наказа Императрицы Екатерины II, „одинъ изъ среднихъ протоковъ, черезъ которые дѣйствуетъ власть Государя“, власть, постановляющая свои рѣшенія именемъ власти верховной, ввѣрена выбраннымъ на волостныхъ съѣздахъ большинствомъ голосовъ на три года и утвержденнымъ губернаторомъ народнымъ судьямъ, или, какъ они прежде назывались, біямъ, число коихъ опредѣляется областными правленіями передъ выборами, съ тѣмъ, чтобы въ волости не приходилось больше одного судьи на каждое аульное или сельское общество.

По буквальному тексту закона, въ народные судьи можетъ быть избранъ изъ числа жителей волости пользующійся уваженіемъ и довѣріемъ народа, не подвергавшійся по приговорамъ суда наказаніямъ, превышающимъ семидневный арестъ или денежное взысканіе въ тридцать рублей, не состоящій подъ слѣдствіемъ или

судомъ и кромѣ того имѣющій въ Степныхъ губерніяхъ не менѣе 35, а въ Туркестанскомъ краѣ не менѣе 25 лѣтъ отъ роду.

Народный судъ составляютъ единоличныя бѣи, съѣзды бѣевъ волости и чрезвычайныя съѣзды народныхъ судей. Бѣи и волостныя съѣзды рѣшаютъ дѣла между киргизами только своей волости, а для разрѣшенія дѣлъ, въ коихъ участвуютъ киргизы разныхъ волостей, назначаются по распоряженію губернатора чрезвычайныя съѣзды бѣевъ. Ни жалованья, ни прогоновъ, ни суточныхъ бѣи не получаютъ и на свой счетъ обязаны совершать, часто очень далекія, служебныя поѣздки на чрезвычайныя съѣзды. Единственное, предусмотрѣнное закономъ вознагражденіе народныхъ судей, это—такъ называемыя „бѣйлычныя деньги“, представляющія изъ себя взыскиваемый съ виновной стороны штрафъ въ размѣрѣ 10% съ присужденнаго рубля.

Будучи такимъ образомъ заинтересованы въ томъ, чтобы при-судить большую сумму, бѣи явно покровительствуютъ преувеличен-нымъ искамъ, и въ степи весьма нерѣдки случаи, что истецъ, имѣя право на полученіе, напримѣръ, ста рублей, взыскиваетъ, по подстрекательству народныхъ судей, двѣсти или триста. Здѣсь, при-мѣрно, такой расчетъ: дано взаймы 100 рублей, истрачено на под-купъ управителя и судей еще 100 рублей, считая въ томъ числѣ будущіе расходы по приведенію рѣшенія суда въ исполненіе, а остальные 100 рублей пойдутъ какъ проценты на затраченный капи-талъ.

Такого рода процентъ въ киргизской степи явленіе заурядное, ибо норма процентовъ обычнымъ правомъ не регламентируется, а русскіе уголовные законы о ростовщичествѣ на киргизскую степь не распространены. А между тѣмъ нигдѣ, можетъ быть, на всемъ пространствѣ Россійской имперіи ростовщичество не свило себѣ столь прочнаго гнѣзда, какъ въ степи. Кочевникъ, такъ еще недавно ведшій чисто натуральное хозяйство, подъ вліяніемъ измѣни-вшихся экономическихъ условій быта и рожденія новыхъ потреб-ностей, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе нуждается въ день-гахъ, которыя необходимы ему для уплаты кибиточной подати, для покупки земледѣльческихъ орудій, чаю, сахару, матеріи и проч. Ростовщичествомъ занимаются положительно всѣ болѣе или менѣе состоятельныя киргизы, не исключая и должностныхъ лицъ; это занятіе, по киргизскимъ понятіямъ, и прибыльное, и почетное; зани-маются ростовщичествомъ втихомолку и ихъ сосѣди, русскіе и ка-заки, и не одна семья мѣстныхъ милліонеровъ обязана началомъ

своего денежнаго могущества самому злостному ростовщичеству. Попросите кого либо изъ уральскихъ старожиловъ, откуда взялись милліоны у казака такого-то, отецъ или дѣдъ котораго представляли изъ себя самыхъ заурядныхъ бѣдныхъ казаковъ, и онъ вамъ выразительно покажетъ рукой по направленію къ бухарской сторонѣ Урала.

Взимаемые съ нуждающихся кочевниковъ проценты достигаютъ порой до 500% въ годъ, и немудрено, что народное благосостояніе киргизской массы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе истощается на счетъ обогащенія отдѣльныхъ личностей.

Но вернемся къ народному суду.

Чтобы быть избраннымъ въ народные судьи, необходимо заручиться согласіемъ волостного управителя.

„Всякій добывающійся должности волостного управителя“,—говорить извѣстный знатокъ киргизскаго быта Крафтъ,—„покупаетъ избирательные голоса не только въ свою пользу, но и для выбора народныхъ судей изъ числа лицъ, ему послушныхъ. Такіе судьи, тѣмъ или другимъ путемъ, помогутъ волостному управителю вернуть съ лихвою его затраты и будутъ присуждать ко взысканію розданныя имъ подъ проценты деньги, а строптивыхъ приговаривать въ тюрьму за вымышленную кражу. Это тѣмъ болѣе удобно дѣлать, что рѣшенія народнаго суда не подлежатъ обжалованію по существу, а писарь волостного сумѣетъ составить рѣшеніе такъ, что и по формѣ они будутъ неувязимы. Волостной управитель, при помощи народнаго суда, старается всячески поддерживать интересы и другихъ богачей своей волости, чтобы заручиться ихъ вліяніемъ при слѣдующихъ выборахъ.

Вотъ почему должностныя лица и вообще всѣ богатые и вліятельные киргизы такъ крѣпко стоятъ и съ кѣной у рта отстаиваютъ свой народный судъ, дающій имъ возможность держать, хуже, чѣмъ въ крѣпостной зависимости, народъ и высасывать изъ него послѣдніе соки.

Въ этомъ, можетъ быть, и главная причина того, что судъ этотъ, облеченный непомѣрной властью и явно неправый, существуетъ еще до сихъ поръ къ явному ущербу интересовъ массы народа и престижа русской власти.

Дѣло въ томъ, что представители этой власти слишкомъ далеки до жалобъ бѣдняковъ и свои свѣдѣнія о киргизскомъ бытѣ и самоуправленіи черпаютъ отъ тѣхъ же заинтересованныхъ богатыхъ вліятельныхъ киргизовъ, которые, обвѣшанные не по заслугамъ

золотыми и серебряными медалями, со свойственной азіатамъ хитростью важно увѣряють, что съ идеальнымъ мирнымъ и достойнымъ лучшей участи киргизскимъ народомъ невозможно справиться безъ ихъ участія въ управленіи и судѣ.

Я назвалъ народный судъ облеченнымъ непоимѣрной властью. Это ничуть не преувеличеніе.

Компетенціи его подлежатъ всѣ гражданскія дѣла между киргизами безъ ограниченія суммы и большинство дѣлъ уголовныхъ. Согласно статьѣ 141 положенія 12 іюня 1886 года объ управленіи Туркестанскаго края лица, принадлежащія къ туземному населенію, привлекаются къ отвѣтственности на общемъ основаніи за нижеслѣдующія преступленія: 1) противъ вѣры христіанской; 2) государственныя; 3) противъ порядка управленія; 4) по службѣ государственной и общественной; 5) противъ постановленій о повинностяхъ государственныхъ и земскихъ; 6) противъ имущества и доходовъ казны; 7) противъ общественнаго благоустройства и благочинія: а) нарушеніе устава карантиннаго, б) нарушеніе постановленій противъ повальныхъ и прилипчивыхъ болѣзней и в) нарушеніе правилъ, установленныхъ на случай скотскихъ надеждъ; 8) противъ общественнаго спокойствія и порядка: а) составленіе злонамѣренныхъ шаекъ и пристанодержательство, б) лживые доносы и лжесвидѣтельство по дѣламъ, судимымъ по законамъ Имперіи, в) укрывательство бѣглыхъ, г) порча телеграфовъ и дорогъ; 9) противъ законовъ о состояніяхъ; 10) противъ жизни, здравія, свободы и чести: а) убійство, б) нанесеніе побоевъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть, в) изнасилованіе, г) противозаконное задержаніе и заключеніе; 11) противъ собственности: а) насильственное завладѣніе чужимъ недвижимымъ имуществомъ и истребленіе граничныхъ межей и знаковъ, б) поджогъ и вообще умышленное истребленіе чужого имущества, в) разбой и грабежъ, г) похищеніе казеннаго имущества и подлогъ русскихъ документовъ.

Изъ этого перечня видно, что русскому суду подсудны преимущественно преступныя дѣланія, въ киргизской степи почти не встрѣчающіяся, тогда какъ наиболѣе практикуемыя, какъ, напримѣръ, всякаго рода и вида кражи и особенно бичъ степной—конокрадство и скотокрадство—оставлены въ рукахъ суда народнаго.

И дѣйствительно, въ производствѣ мировыхъ судей, коимъ въ Степныхъ областяхъ ввѣрена слѣдственная власть, дѣла о преступленіяхъ, совершаемыхъ киргизами, встрѣчаются весьма рѣдко, за исключеніемъ лишь дѣлъ о разбояхъ и грабежахъ скота. Но и

здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что баранта представляетъ изъ себя обычай возстановленія нарушеннаго права путемъ нападенія на аулъ обидчика и угона принадлежащаго ему и его родичамъ скота. Обычай этотъ, съ которымъ тщетно борется русская власть, сильно распространенъ въ степи; родственники потерпѣвшаго отъ баранты, вмѣсто обращенія въ судъ, склонный трактовать преступленіе это, если оно не сопровождалось убійствами, какъ простое самоуправство, съ цѣлью отомщенія и возвращенія похищеннаго скота, въ свою очередь, соединенными силами, дѣлають набѣги на аулы обидчиковъ, и, разростаясь, баранта захватываетъ цѣлые роды и отдѣленія. Бесиліе власти въ борьбѣ съ этимъ обычаемъ, главнымъ образомъ, и слѣдуетъ приписать отсутствію въ степи правильно организованнаго суда и полиціи. Въ немъ есть все-же и своя хорошая сторона, ибо баранта является излюбленнымъ средствомъ противъ засилья богачей, съ коими борьба бѣднякамъ не подь силу.

Кромѣ того, подь разбоями весьма часто на практикѣ скрывается простое скотокрадство и конокрадство. Извѣрившіеся въ возможность получить удовлетвореніе отъ своего народнаго суда и ознакомившіеся съ русскими порядками потерпѣвшіе отъ кражъ киргизы, розыскавъ виновныхъ въ совершеніи этихъ кражъ или только заподозривъ опредѣленныхъ лицъ, завѣдомо ложно заявляютъ мировому судѣ или прокурору, что похищеніе было не тайное, а открытое, съ цѣлью передачи дѣла на судъ русскій. Родовичи потерпѣвшихъ считаютъ своимъ долгомъ подтвердить заявленіе обиженныхъ, и возникаетъ громкое дѣло о разбойническомъ нападеніи на аулъ такого-то, обыкновенно идущее на прекращеніе, такъ какъ хорошенько не сумѣвшіе сговориться свидѣтели—родовичи путаются въ своихъ показаніяхъ, и подкладка дѣла становится ясна для всякаго знающаго степные обычаи судьи.

Нерѣдко тоже, въ тѣхъ же цѣляхъ, рвущіеся навстрѣчу суду русскому киргизы завѣдомо же ложно заявляютъ, что кража совершена на русской территоріи, или же обвиняють въ совершеніи оной неучастныхъ должностныхъ лицъ, ибо въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ кража изымается изъ вѣдѣнія суда народнаго.

Вотъ къ какимъ недостойнымъ приѣмамъ приходится прибѣгать киргизскому населенію въ поискахъ за правосудіемъ.

Что касается въ частности кражи скота, то это явленіе въ степи почти обычное, и конокрадство является промысломъ, по своей

выгодности уступающимъ развѣ ростовщичеству. Профессиональные конокрады, извѣстные въ степи каждому даже малолѣтнему киргизу, никогда не попадаютъ, дѣйствуютъ навѣрняка и навѣрняка же избѣгаютъ правосудія. Противъ нихъ не найдешь свидѣтелей. Въ крайнемъ случаѣ, если они попадутся съ поличнымъ, то вознаграждать потерпѣвшему убытки, такъ какъ дѣла о кражахъ въ народномъ судѣ, какъ равно и всѣ дѣла уголовныя, производятся въ порядкѣ частнаго обвиненія и могутъ оканчиваться примиреніемъ, или же дадутъ взятку судьямъ, которые ихъ оправдаютъ, или старшинамъ, на обязанности коихъ лежитъ врученіе имъ повѣстокъ о вызовѣ въ судъ.

Въ станицѣ Сломихинской, Уральской области, расположенной неподалеку отъ грани съ Внутренней Букеевской ордой, мѣстные богатые скотоводы умышленно за повышенную цѣну нанимаютъ въ пастухи своихъ стадъ извѣстныхъ конокрадовъ, съ отвѣтственностью за пропажу скота, будучи увѣрены, что это—лучшая гарантія для цѣлости скота, а если у нихъ все-таки случится кража какой либо особо цѣнной лошади, то предпочитаютъ, не обращаясь къ властямъ, войти въ переговоры съ извѣстными имъ конокрадами и путемъ выкупа вернуть похищенное.

Если, такимъ образомъ, даже русскій судъ и русскіе законы не являются достаточной гарантіей отъ скотокрадства, то что же можно ожидать отъ киргизскаго народнаго суда, гдѣ дѣла на чрезвычайныхъ сѣздахъ тянутся сплошь и рядомъ цѣлыми годами, гдѣ столь широко практикуется подкупъ, и не естественно ли, что выведенные изъ терпѣнія потерпѣвшіе прибѣгаютъ къ барантѣ, какъ единственному вѣрному средству вернуть похищенное?

Основаю для рѣшенія дѣлъ въ народномъ судѣ является присяга. Никакія доказательства, не исключая и свидѣтелей-очевидцевъ, ни даже документовъ, въ расчетъ не принимаются. Намъ лично при сотняхъ дѣлъ, прошедшихъ черезъ руки прокурорскаго надзора, въ цѣляхъ опротестованія по статьѣ 218 Турк. полож., не пришлось видѣть ни одного, которое было бы рѣшено безъ присяги.

Сущность присяги заключается въ томъ, что истцу или обвинителю предоставляется, въ предѣлахъ родичей отвѣтчиковъ или обвиняемыхъ, указать лицо, которое отказалось бы принять за него присягу. Группа отвѣтчиковъ, изъ которыхъ истецъ можетъ выбирать присягателей (1-е, 2, 3, 4 и т. д. колѣно, цѣлый аулъ, или даже волость), всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія суда. Рѣшеніе

пишется условно: въ немъ опредѣляется наказаніе обвиняемому, если онъ не оправдается присягой, сумма вознагражденія за убытки, причиненные преступленіемъ, съ прибавленіемъ бійлычныхъ денегъ, имя и фамилія присягателя и мѣсто и время присяги. Само собой разумѣется, что исходъ дѣла всецѣло зависитъ отъ того, въ какой степени родства отвѣтчика будетъ предоставлено истцу право избранія присягателя. Чѣмъ шире, тѣмъ для него выгоды, ибо при начавшемся разложеніи родового быта у киргизовъ, въ предѣлахъ, напримѣръ, цѣлаго аула, всегда нетрудно найти лицо, которому совершеніе или несовершеніе обвиняемымъ приписываемаго ему преступленія неизвѣстно и которое вслѣдствіе этого откажется отъ принятія присяги, или даже попросту путемъ подкупа убѣдить такое лицо принять присягу; въ близкихъ же степеняхъ родства надежда найти присягателя, который отказался бы отъ принятія присяги, крайне сомнительна, ибо близкіе родичи связаны не только тѣсными узами съ обвиняемымъ, но обыкновенно и являются участниками совершеннаго имъ преступленія.

Поэтому предметомъ подкупа народныхъ судей и является обыкновенно тотъ пунктъ рѣшенія, гдѣ опредѣляется группа лицъ отвѣтчика, изъ коей долженъ быть избранъ присягатель. Слѣдуетъ еще замѣтить, что народный судъ никогда не входитъ въ оцѣнку предъявленныхъ исковъ и присуждаетъ полностью столько, сколько ищетъ потерпѣвшій. Украденная лошадь или корова стоитъ 30 руб., а отыскивается и присуждается 300 и 30 рублей бійлычныхъ. Кромѣ того, какъ выше уже было сказано, сами судьи подговариваютъ истцовъ искать большую сумму, ибо это имъ выгодно, увеличивая процентъ падающаго на ихъ долю вознагражденія. Не упоминается также обыкновенно въ исковомъ прошеніи и время совершеннаго преступленія или возникновенія долгового обязательства. Очень часто въ прошеніяхъ этихъ фигурируетъ стереотипная фраза: „Въ прошедшіе годы такіе-то украли у меня столько-то головъ скота“, а затѣмъ слѣдуетъ просительный пунктъ.

Благодаря огромнымъ разстояніямъ (приходится ѣхать нерѣдко до 500 и болѣе верстъ) и неполученію судьями прогонныхъ денегъ, собрать ихъ на чрезвычайные сѣзды, которые назначаются 2—3 раза въ годъ, весьма трудно, развѣ только когда предстоитъ разбирательство особо цѣнныхъ дѣлъ съ надеждой на большія бійлычныя деньги; поэтому весьма часто практикуется представленіе фальшивыхъ удостовѣреній отъ аульныхъ старшинъ или управителей о мнимой болѣзни, а дѣла на чрезвычайныхъ сѣздахъ

разбираются съ чрезвычайной медленностью и откладываются изъ года въ годъ, несмотря на всѣ старанія крестьянскихъ начальниковъ.

Никакого уголовного кодекса для народнаго суда не существуетъ; по своему усмотрѣнію, онъ можетъ приговаривать или къ денежному взысканію въ 300 рублей, или къ тюремному заключенію, или къ аресту до 1½ лѣтъ, руководствуясь лишь обычаями, а между тѣмъ какъ разъ тюремное заключеніе и невѣдомо обычному праву киргизъ, коему извѣстны лишь денежные штрафы въ соответствии съ понесеннымъ убыткомъ, не исключая и штрафа за убійство (кунъ),—доходящаго до 1000 барановъ.

Притомъ же самое понятіе преступленія по русскимъ законамъ совершенно не совпадаетъ съ понятіями такового по обычному праву киргизъ. „Поэтому“,—говоритъ въ своей книгѣ, уже цитированной мною, Крафтъ,—„народные судьи при назначеніи тюремнаго наказанія блуждаютъ въ потемкахъ. Одни приговариваютъ въ тюрьму женщинъ за уклоненіе отъ брака съ нелюбимымъ человѣкомъ, за наемъ мумль для порчи людей и уничтоженіе способности къ половымъ сношеніямъ и за неисполненіе правилъ шаріата, а за кражу и мошенничество назначаютъ штрафъ; другіе въ той же самой мѣстности присуждаютъ къ личному задержанію за всѣ преступленія противъ собственности, а за остальные назначаютъ штрафы“.

Намъ лично не разъ приходилось читать рѣшенія народныхъ судовъ, приговаривающихъ за чисто гражданскія правонарушенія къ тюремному заключенію, и мы не могли не прійти къ тому же заключенію, къ какому въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ пришло и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, что обычному праву киргизовъ чуждо различіе уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ и что народный судъ завѣдомо не можетъ различить преступнаго отъ не-преступнаго и понятій уголовного и гражданского правонарушеній.

Намъ уже неоднократно приходилось упоминать терминъ „обычное право“—это единственное связывающее народный судъ начало при разрѣшеніи подвѣдомственныхъ ему дѣлъ.

Что же изъ себя представляетъ въ настоящее время это обычное право, записано ли оно въ какомъ либо литературномъ памятникѣ, и кто является его хранителемъ и истолкователемъ?

Если мы обратимся къ литературѣ, то нигдѣ описанія существующихъ у киргизовъ обычаевъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ народному суду, не встрѣтимъ; окончились полной неудачей и

всѣ неоднократныя попытки нашей администраціи розыскать и скодифицировать эти обычаи.

Никогда и никѣмъ не записанные, подъ вліяніемъ частью болѣе культурныхъ національностей, частью принятія магометанства, въ зависимости отъ измѣнившихся экономическихъ факторовъ, киргизскіе обычаи расплылись, видоизмѣнились и перепутались съ обычаями русскими и казачьими, татарскими, сартскими и китайскими, нормами шаріата и русскими законодательными нормами; притомъ же доброму старому времени неизвѣстны были всѣ тѣ дѣла, которыя возникли вполнѣдствіи подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ историческихъ и экономическихъ факторовъ, какъ, напримѣръ, иски, вытекающіе изъ земельной аренды, различнаго рода обязательственныхъ нормы и т. п., почему, за полнымъ отсутствіемъ нормъ законодательныхъ, судѣ при разрѣшеніи такого рода дѣлъ приходится руководствоваться исключительно своимъ усмотрѣніемъ или же законами русскими, которыхъ онъ не знаетъ и толковать которые не можетъ. Независимо отъ сего, при современной организаціи народныхъ судовъ, когда въ суды попадаютъ не всѣми уважаемые, умудренные опытомъ народныя старѣйшины, передававшіе отъ поколѣнія къ поколѣнію свои знанія жизни и обычаевъ, какъ это было встарь, когда должность народного судьи можетъ занять каждый мало-мальски состоятельный киргизъ, достигшій 35-лѣтняго, а въ Туркестанскомъ краѣ—25-лѣтняго возраста, когда ни одни выборы не обходятся безъ подкуповъ, нельзя и требовать, чтобы выбранный народный судья хотя бы приблизительно былъ знакомъ съ народными обычаями или умѣлъ розыскивать нормы обычнаго права путемъ опроса свѣдущихъ лицъ, если бы таковыя нормы и существовали въ дѣйствительности. Можно ли требовать, съ другой стороны, отъ лицъ, коимъ предоставлено по формальнымъ основаніямъ опротестовывать въ окружныхъ судахъ рѣшенія народного суда, т. е. отъ крестьянскихъ начальниковъ въ Степномъ краѣ и отъ уѣздныхъ начальниковъ въ Туркестанскомъ краѣ, чтобы они провѣряли, соответствують ли рѣшенія судовъ неопредѣленнымъ нормамъ обычнаго права, когда не только ни одного письменнаго кодекса этого права не существуетъ, но значительной массѣ населенія даже чуждо самое понятіе этого права, остатки коего можно розыскать развѣ въ пословицахъ, когда сами подиѣдомственные суду народному лица все чаще и чаще тщетно толкаются въ храмъ русскаго правосудія съ прошеніями разобрать ихъ дѣла по русскому закону и даже, какъ выше было указано, умышленно искажаютъ обстоятельства дѣла, чтобы только отдѣлаться отъ своего суда.

И дѣйствительно, ссылки на обычное право въ рѣшеніяхъ народныхъ судовъ нерѣдко, какъ намъ лично приходилось констатировать, поражаютъ не только отсутствіемъ однообразія, но и прямымъ, съ точки зрѣнія юриста, безстыдствомъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые судьи при обращеніи къ нимъ лицъ богатыхъ и вліятельныхъ, по однимъ ихъ голословнымъ заявленіямъ, прямо приговариваютъ отвѣтчиковъ къ тюремному заключенію и присуждаютъ съ нихъ полностью искомыя суммы, не прибѣгая даже къ присягѣ; другіе, наоборотъ, не принимая никакихъ доказательствъ и не назначая присяги, отказываютъ въ искахъ, предъявленныхъ къ вліятельнымъ отвѣтчикамъ; третьи присуждаютъ съ оговариваемыхъ въ убійствѣ и русскими судьями оправданныхъ лицъ цѣликомъ „кунъ“ за кровь, распространяя его на нѣсколько колѣнъ, и т. п.

Особенно возмутительны рѣшенія народныхъ судовъ по дѣламъ семейнымъ и брачнымъ.

Надобно замѣтить, что вообще положеніе женщины у киргизовъ, какъ и у большинства некультурныхъ народовъ, совершенно безправно. Съ рожденія и до смерти она въ полномъ смыслѣ раба сначала своихъ родителей, затѣмъ мужа, а по его смерти—его родственниковъ. Въ малолѣтствѣ ее просватываютъ или, правильнѣе сказать, запродаютъ за скотъ какому нибудь, часто ей совершенно неизвѣстному, киргизу, который беретъ на себя обязательство выплатить родителямъ ея калымъ, т. е. извѣстное количество рогатаго скота, лошадей, верблюдовъ или барановъ, возрастомъ при этомъ не стѣняются и зачастую дряхлый старикъ покупаетъ еще физически недоразвившуюся дѣвушку, или, наоборотъ, 30-лѣтняя женщина просватывается за 10-лѣтняго мальчика. Бываютъ случаи и прямой продажи дѣвушекъ богатымъ кочевникамъ въ Хиву или Персію. Самое бракосочетаніе совершается обыкновенно не въ мечети, а на дому или въ юртѣ, киргизскимъ муллою, который о согласіи бракосочетающихся не спрашиваетъ. Послѣ смерти мужа, вдова, безъ соблюденія какихъ либо особыхъ формальностей, признается законной женой своего деверя и присоединяется вмѣстѣ со скотомъ къ его имуществу; отъ деверя же зависить и вновь продать ее за калымъ въ замужество другому лицу, если онъ не пожелаетъ оставить ее себѣ. На такое безправное положеніе киргизской женщины было обращено вниманіе русской власти еще въ 60-хъ годахъ. Основательно не довѣряя въ этихъ дѣлахъ народнымъ судьямъ, склоннымъ при разрѣшеніи ихъ стоять на стражѣ вѣковыхъ рабовладѣльческихъ семейныхъ устоевъ, Вре-

менные положенія объ управленіи Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областей отъ 11 іюля 1867 года и объ управленіи въ Акмолинской, Уральской и Тургайской областяхъ отъ 21 октября 1886 года предоставляли пересмотръ рѣшеній народныхъ судовъ по дѣламъ семейнымъ и брачнымъ уѣзднымъ начальникамъ и губернаторамъ, которые и не замедлили внести освѣжающую струю въ семейныя отношенія кочевниковъ, проводя въ жизнь принципиальное начало права женщины свободно распоряжаться своею личностью при выходѣ въ замужество. Къ сожалѣнію, положеніе объ управленіи Туркестанскимъ краемъ 1886 года, распространенное впоследствии и на Степныя области, отняло это право, предоставивъ брачныя и семейныя дѣла инородцевъ исключительно традиціонному суду народному, не замедлившему вновь закрѣпить женщину въ семьяхъ ея отца и мужа. Тщетно рвется изъ опутавшихъ ее сѣтей бѣдная киргизская женщина, нерѣдко, подъ вліяніемъ знакомства съ русскими порядками усвоившая себѣ общія начала права и справедливости, тщетно вызываетъ къ представителямъ русской власти съ мольбами оградить ее отъ произвола, притѣсненій и порой истязаній и издѣвательствъ со стороны мужа,—ее отправляютъ въ народный судъ, т. е. на новыя издѣательства.

Передъ моими глазами, когда я пишу эти строки, невольно рисуется фигура молодой женщины, почти ребенка, которая убѣжала отъ своего стараго мужа къ старшинѣ своего аума, прося оградить ее отъ притѣсненій и побоевъ, но старшина, вѣрный семейно-родовымъ устоямъ, немедленно же выдалъ ее на расправу тому же мужу, который нѣсколько верстъ нагайкой гналъ ее къ себѣ въ кибитку, самъ сидя верхомъ на лошади, а на другой день тѣло несчастной нашли въ проруби. Это фактъ изъ судебной хроники Темирскаго уѣзда, Уральской области.

И по прежнему истязаютъ, покупаютъ, мѣняють, крадутъ и продаютъ, какъ скоть, киргизскую женщину, и по прежнему ни у кого не находитъ она себѣ законной защиты.

Дать разводъ всецѣло зависитъ отъ народнаго суда, но и тутъ бѣдному челоѣку добиться развода очень трудно, тогда какъ богатому ничего не стоитъ и разводъ получить, и отбить жену у другого, и добиться признанія законнаго брака незаконнымъ. Стоитъ только одарить управителя и судей.

Недурно иллюстрируетъ высказанное положеніе и, вообще, семейные нравы кочевниковъ разсказъ одного киргиза, записанный съ его словъ священникомъ Крашенинниковымъ, который мы и поз-

волимъ себѣ привести дословно: „Дѣло было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Мой одноаулецъ киргизъ женилъ своего сына. Условившись относительно калыма со своимъ сватомъ, отецъ жениха выплачивалъ калымъ за невѣсту нѣсколько лѣтъ. Послѣ вѣнчанія проходитъ немного времени, и, по нашему обычаю, родители молодой жены посѣщаютъ домъ своего свата. Въ это время свать и его родственники должны угостить своихъ дорогихъ кунаковъ на славу, и, избави Богъ, если родители молодой встрѣтятъ со стороны своихъ сватовъ нерадушный пріемъ: тогда зачатся въ сердцахъ кунаковъ злоба, которая можетъ окончиться дурными послѣдствіями. Такъ и случилось на этой свадьбѣ: кунаки, по отъѣздѣ своемъ, остались недовольны пріемомъ и угощеніемъ своихъ сватовъ. Черезъ нѣсколько времени отецъ молодой подалъ искъ волостному управителю на своего свата, что мулла повѣнчалъ-де мою дочь съ его сыномъ насильно, что ее выкрали ночью родственники ея мужа, почему и просилъ отобрать дочь у похитителя и возвратить ему. Дѣло было передано управителемъ бѣямъ—народнымъ судьямъ, которыхъ жалобщикъ, какъ водится у насъ, сумѣлъ задарить. Отецъ же молодого, не чувствуя за собой вины въ похищеніи дѣвицы, не пожелалъ задарить бѣевъ, надѣясь, что дѣло рѣшится въ его пользу. Анъ нѣтъ. Бѣи сдѣлали постановленіе, что мулла, хотя и повѣнчалъ невѣсту, но не зналъ, что она похищена, а потому возвратить ее отцу, принудивъ ея мужа выдать своей женѣ талакъ—разводный листъ. Начальствомъ предписано было выполнить постановленіе бѣевъ волостному управителю. И вотъ онъ пользуется случаемъ и беретъ подарки съ обоихъ сватовъ: отца молодой успокаиваетъ, что дѣло рѣшится въ пользу его, но предписанія начальства не приводитъ въ исполненіе. Такъ продолжалось слишкомъ годъ; когда, видимо, нельзя уже было тянуть дѣло дольше, управитель сталъ увѣщевать враждующія стороны сойтись полюбовно. Сваты, истощивъ свои карманы и лишившись не малаго количества скота на задариваніе управителя, согласились и дѣло кончили миромъ. Управитель, отобравъ подписки отъ обоихъ сватовъ, донесъ начальству, что невѣста повѣнчана муллой по ея волѣ и съ согласія своихъ родителей, и вражда между сватами возникла отъ несвоевременной уплаты отцомъ молодого условеннаго калыма“.

Думаю, что мною приведено достаточно данныхъ неправости и подкупности суда народнаго. Теперь перейдемъ къ вопросу, не искушаетъ ли онъ, хотя отчасти, указанныхъ отрицательныхъ сторонъ скоростью своего производства. Уже выше было мною указано,

что чрезвычайные сѣзды народныхъ судей назначаются всего 2—3 раза въ годъ, т. е. приблизительно такъ же, какъ и выѣздные сессіи окружныхъ судовъ, но процентъ разрѣшаемыхъ на нихъ дѣлъ несравненно ниже такового процента въ окружныхъ судахъ, всегда разбирающихъ большую половину назначенныхъ къ слушанію дѣлъ. Въ чрезвычайныхъ же сѣздахъ огромное большинство поступившихъ дѣлъ откладывается за неявкой сторонъ изъ года въ годъ, и процентъ разрѣшенныхъ дѣлъ не превышаетъ 25%. Для наглядности привожу свѣдѣнія изъ имѣющейся у меня подъ руками вѣдомости по 4 волостямъ, входящимъ въ составъ 1-го крестьянскаго участка Уральскаго уѣзда, о числѣ дѣлъ о скотокрадствѣ, бывшихъ на разсмотрѣніи чрезвычайныхъ сѣздовъ въ 1906—1908 г.г. Въ 1906 г. было на разсмотрѣніи такихъ дѣлъ 116, разрѣшено 27, т. е. приблизительно 23%; въ 1907 г. было на разсмотрѣніи 235, разрѣшено 37, т. е. около 10%, и въ 1908 г. изъ бывшихъ на разсмотрѣніи 297 дѣлъ—разрѣшено 74, т. е. около 25%. Еще хуже обстоитъ дѣло въ 4-мъ крестьянскомъ участкѣ Темирскаго уѣзда, гдѣ, по сообщенію крестьянскаго начальника, изъ 300—400 поступающихъ въ чрезвычайные сѣзды дѣлъ о кражѣ скота разрѣшается только отъ 21 до 24 дѣлъ. Надобно при этомъ замѣтить, что главная масса возникающихъ въ народномъ судѣ дѣлъ именно приходится на долю чрезвычайныхъ сѣздовъ, коимъ подвѣдомственны киргизы, принадлежащіе къ разнымъ волостямъ; количество же возникающихъ дѣлъ на производствѣ единоличныхъ судей и волостныхъ сѣздовъ, разрѣшающихъ дѣла между киргизами, принадлежащими къ одной волости, сравнительно ничтожно. Такъ, въ то время, какъ по упомянутымъ мною 4 волостямъ въ производствѣ чрезвычайныхъ сѣздовъ находилось на разсмотрѣніи за 1906—1908 г.г. всего 648 дѣлъ о скотокрадствѣ, въ производствѣ всѣхъ единоличныхъ судей было за тѣ же 3 года только 226 дѣлъ, а на волостныхъ сѣздахъ всего 43 дѣла.

Входя въ разсмотрѣніе причинъ такого несоотвѣтствія дѣлъ, возникающихъ на производствѣ на волостныхъ сѣздахъ и единоличныхъ судей, съ одной стороны, и на чрезвычайныхъ сѣздахъ народныхъ судей—съ другой стороны, крестьянскій начальникъ 1 уч. Уральскаго уѣзда дословно говорить слѣдующее:

„Не стѣсняемые ни давностью, ни требованіемъ доказательствъ, истцы произвольно опредѣляютъ подсудность дѣлъ чрезвычайнымъ сѣздамъ и даже составъ судей, привлекая въ качествѣ ответчиковъ киргизовъ изъ тѣхъ волостей, изъ которыхъ желательно

имъ, истцамъ, имѣть судей при разборѣ ихъ голословныхъ претензій, и освобождая фиктивныхъ отвѣтчиковъ при самомъ разборѣ дѣла. По одному лишь голословному заявленію истца о кражѣ у него скота вызываются всѣ указанные имъ отвѣтчики изъ разныхъ волостей, которые и должны являться на чрезвычайный сѣздъ судей за 100, 200 и даже 300 верстъ, а потомъ оправдываться передъ судомъ обычною присягою третьяго лица, избираемого по усмотрѣнію истца. Но оправдаться такою присягою не легко даже и тѣмъ, которые совершенно непричастны къ данному дѣлу: во-первыхъ, надо склонить на это избраннаго истцомъ присягателя, а во-вторыхъ, доставить его къ сроку въ камеру крестьянскаго начальника, что вызываетъ немалые расходы. Поставленные въ такое положеніе отвѣтчики, хотя бы и совсѣмъ невинные, по врученіи имъ повѣстокъ о вызовѣ къ суду, вынуждены обращаться къ истцу съ просьбой о прекращеніи заявленныхъ на нихъ претензій и платятъ за подписки въ прекращеніи исковъ, часто фиктивныхъ, возникающихъ не изъ имущественныхъ, а чисто личныхъ отношеній, по одной лишь враждѣ личной или даже партійной (какъ, напримѣръ, во время выборовъ должностныхъ лицъ). Вотъ почему 75% дѣлъ остаются неразсмотрѣнными на чрезвычайныхъ сѣздахъ за неявкою истцовъ, которые не настаиваютъ на разборѣ дѣла судомъ, а удовлетворяются за свой шантажъ сильнымъ выкупомъ отвѣтчиковъ, лишь бы были вручены имъ повѣстки, угрожающія заочнымъ рѣшеніемъ, хотя и обусловленнымъ присягою.

При обычномъ распространеніи присуждаемыхъ взысканій за несостоятельныхъ отвѣтчиковъ на ихъ родственниковъ, ничѣмъ не ограждена собственность зажиточныхъ хозяевъ, ничего общаго съ конокрадами не имѣющихъ, тѣмъ болѣе, что народные суды, принимая къ своему разсмотрѣнію на ряду съ 10 основательными (хотя и преувеличенными) исками 100 фиктивныхъ, предъявляемыхъ разными недобросовѣстными людьми, разрѣшаютъ ихъ на одинаковыхъ основаніяхъ чрезъ посредство присяги третьяго лица по выбору истца, вслѣдствіе чего дѣйствительно потерпѣвшіе неохотно обращаются со своими жалобами въ судъ, опасаясь встрѣчныхъ исковъ со стороны воровъ“.

„Вообще“,—заканчиваетъ свой отзывъ крестьянскій начальникъ, —„о киргизскомъ народномъ судѣ въ настоящемъ его видѣ можно сказать, что онъ не только не внушаетъ киргизамъ чувства справедливости, а, наоборотъ, развращаетъ ихъ; онъ не искореняетъ, а

скорѣе поощряетъ воровство. Сами киргизы недовольны своимъ судомъ; они не безъ основанія жалуются на своихъ судей, у которыхъ не находятъ ни суда справедливости, ни суда, основаннаго на обычаяхъ. Патріархальное правосудіе прежнихъ временъ, очевидно, отжило свой вѣкъ. Судьями стали люди случайные, достигающіе должности путемъ разныхъ интригъ и подкуповъ на выборахъ“.

Не лишнее отмѣтить, что чрезвычайные сѣзды, сосредоточивающіе большинство уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, рѣшаютъ всѣ эти дѣла окончательно, и рѣшенія ихъ могутъ быть опротестованы крестьянскими и уѣздными начальниками въ окружный судъ черезъ прокурора суда исключительно по формальнымъ основаніямъ. Таковыми основаніями обыкновенно служатъ или невызовъ на судъ одной изъ сторонъ, или отсутствіе въ составѣ суда судьи отъ той волости, къ коей приписаны истецъ или отвѣтчикъ; всѣ же споры о присягателяхъ подлежатъ разрѣшенію судовъ, рѣшившихъ дѣло по существу. Разумѣется, приведенныя формальности соблюсти ничего не стоитъ, и, какъ бы ни было несправедливо рѣшеніе по существу, оно должно быть приведено въ исполненіе.

Подводя итоги сказанному о народномъ судѣ, мы приходимъ къ слѣдующимъ неутѣшительнымъ выводамъ:

1) Киргизскій народный судъ прежде всего судъ подкупной и *неправый*, должности народныхъ судей пріобрѣтаются путемъ подкуповъ, и, затрачивая большія средства на подкупъ на выборахъ, судьи возмѣщаютъ ихъ съ лихвой торговлей правосудіемъ. Неправота суда усугубляется отсутствіемъ для большинства дѣлъ апелляціонной инстанціи.

2) Народный судъ затѣмъ представляетъ изъ себя судъ *партийный*, такъ какъ судьи готовятъ себѣ неправыми рѣшеніями новое избраніе и отстаиваютъ исключительно интересы партіи, восторжествовавшей на выборахъ.

3) Народные обычаи, коимъ долженъ руководствоваться этотъ судъ, въ дѣйствительности давно утратили свое значеніе, какъ юридическія нормы, и въ своихъ рѣшеніяхъ народные судьи руководствуются произволомъ; это судъ *произвольный*.

4) Большинство поступающихъ въ народный судъ дѣлъ фиктивно: онъ поощряетъ совершеніе преступленій, представляя изъ себя *охрану для воровъ и преступниковъ*, вѣрный способъ для незаконнаго обогащенія должностныхъ лицъ киргизскаго управленія и *угрозу для мирныхъ обывателей*.

5) Это судъ чрезвычайно *медленный*.

6) Это судъ *непросвѣщенный*, ибо въ составъ его входятъ невѣжественныя, не знающія ни законовъ, ни обычаевъ лица.

7) Это судъ далекій отъ населенія, ибо сторонамъ приходится совершать сотни верстъ, чтобы попасть на чрезвычайный сѣздъ.

8) Огромное большинство мирнаго киргизскаго населенія тяготеетъ своимъ народнымъ судомъ и всѣми силами добивается разрѣшенія своихъ дѣлъ судомъ русскимъ, для чего прибѣгаетъ даже къ мистификаціямъ. Дальнѣйшее существованіе этого суда *вредитъ* престижу русской власти и началамъ русской государственности.

9) Длительное существованіе этого суда объясняется тѣмъ, что представители русской власти въ Степномъ краѣ, отъ коихъ фактически зависѣло возбудить въ законодательномъ порядкѣ вопросъ объ его уничтоженіи, входили исключительно въ сношенія съ богатыми и вліятельными киргизами, преимущественно изъ числа должностныхъ лицъ киргизскаго народнаго управленія, для коихъ существованіе народнаго суда выгодно, и смотрѣли ихъ глазами на достоинства этого недостойнаго суда.

Тѣмъ болѣе вопіющей аномаліей представляется дальнѣйшее существованіе этого суда въ настоящее время, когда объединяющія начала Судебныхъ уставовъ получили повсемѣстное распространеніе, когда самыя отдаленныя окраины пользуются благами суда общегосударственнаго. Къ счастью, миражъ начинаетъ проходить, и возбужденный въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ вопросъ объ изыятіи изъ вѣдѣнія народныхъ судовъ дѣлъ о воровствѣ и скотокрадствѣ указываетъ на то, что уже въ высшія сферы проникаетъ правильный взглядъ на недостатки киргизскаго народнаго суда, существующаго исключительно по недоразумѣнію. Будемъ надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ вопросъ будетъ поставленъ шире, т. е. о полномъ уничтоженіи киргизскаго народнаго суда и о замѣнѣ этого азіатскаго неправого, нескорого и немилостиваго суда—судомъ русскимъ, скорымъ, правымъ и милостивымъ. Авторъ настоящей статьи будетъ счастливъ, если своимъ трудомъ онъ хоть нѣсколько ускоритъ разрѣшеніе этого столь жгучаго для многомилліоннаго киргизскаго населенія вопроса.

Статья наша, однако, была бы неполна, если бы мы не указали практическій способъ разрѣшенія указаннаго вопроса, т. е. не намѣтили бы желательныхъ основныхъ судопроизводственныхъ формъ того суда, который долженъ смѣнить судъ народный.

Наиболѣе простой и жизненной реформой, по крайней мѣрѣ

для Степныхъ губерній, мнѣ казалось, было бы отнесеніе всѣхъ подсудныхъ народнымъ судамъ дѣлъ къ вѣдѣнію существующихъ въ краѣ мировыхъ и общихъ судебныхъ установленій, на началахъ общей подсудности, съ тѣмъ лишь, чтобы въ цѣляхъ приблизить судъ къ населенію и ускорить судопроизводство, по отношенію къ дѣламъ мировой подсудности, вмѣсто окружныхъ судовъ, была образована самостоятельная апелляціонная инстанція, въ видѣ сѣздовъ мировыхъ судей.

Реформа эта по отношенію къ Уральской области не стоила бы правительству ни копѣйки, такъ какъ мировые судьи содержатся исключительно на земскія средства; придется, конечно, прибавить нѣсколько судей за счетъ того же киргизскаго населенія, и послѣднее въ общемъ отъ этого только выиграетъ, такъ какъ не будетъ переплачивать огромныхъ суммъ, въ видѣ взятокъ судьямъ и бійлычныхъ денегъ. Притомъ же уничтоженіе народныхъ судовъ повлечетъ за собой неизбѣжно значительное сокращеніе въ Степныхъ областяхъ числа крестьянскихъ начальниковъ, на коихъ закономъ возложена неблагодарная работа по надзору за народными судами и по приведенію въ исполненіе ихъ рѣшеній.

Но, разумѣется, сама по себѣ проектируемая судебная реформа не достигла бы цѣли, если бы производство дознаній по дѣламъ уголовнымъ осталось всецѣло въ рукахъ киргизскихъ выборныхъ властей, которые по прежнему торговали бы правосудіемъ и скрывали преступниковъ.

Одновременно необходима должна быть произведена реформа полиціи, съ соблюденіемъ тѣхъ же началъ русской государственности, и, если она будетъ проведена удачно, то тогда не потребуется оставлять въ качествѣ судебного доказательства—присяги, этого усвоеннаго народнымъ судомъ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, съ точки зрѣнія правового юриста весьма несовершеннаго способа обнаруженія истины.

Полагаю, что большая часть сказаннаго мною въ настоящей статьѣ относится равно и къ Степнымъ областямъ, и къ Туркестанскому краю, положеніе объ управленіи коимъ распространено и на Степныя губерніи и жители коего тѣ же киргизы или родственные имъ инородцы, но, не изучивъ мѣстныхъ условій означеннаго края, считаю должнымъ сдѣлать по этому поводу оговорку.

Бар. Б. Н. Дельвицъ.